

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

МАРТ

МОСКВА
1938

Уполн. Главлита Б—39709.
Объем 18 печ. л. по 64.000 знаков.
Сдано в набор 15/II—38 г. Подписано к печати 17/III—38 г
Тираж 80.000. Зак. 503.
Технический редактор А. И. Гессен.
Тип. «Известий» им. И. И. Скворцова-Степанова.
Москва, Пушкинская площадь, 5.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗГРОМ АНТИСОВЕТСКОЙ ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОЙ БАНДЫ	5
С. ГАЛКИН. Стихотворение	15
» Стекло, стихотворение	16
ЛЕОНИД ЛЕОНОВ — Половчанские сады, пьеса	17
МИХ. ШОЛОХОВ — Тихий Дон, роман, окончание 7-й части	61
М. ИСАКОВСКИЙ — Девушка, песня	71
ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА — Про песню, стихотворение	72
Р. ГИНЦБУРГ — Сын, стихотворение	73
В. ШУЛЬЧЕВ — На покосе, стихотворение	74
ВЛ. ЛИДИН — Ваня, рассказ	75
АЛЕКСАНДР СМОЛЯН — Тезка, рассказ	81
» » — Лишние люди, рассказ	86
ПАВЕЛ НИЛИН — Знаменитый Павлюк, рассказ	93
Г. ЛИТВАК — Песня, стихотворение	102
М. КОЧНЕВ — Дождь, стихотворение	103
АРКАДИЙ СИТКОВСКИЙ — Три стихотворения	104
КСЕНИЯ ЛЬВОВА — На станции, рассказ	105
ПАВЕЛ КУСТОВ — Изба, стихотворение	133
НИКОЛАЙ СИДОРЕНКО — Восточная песенка, стихотворение	134
МАКС ЗИНГЕР — Настойчивость, рассказ	135
СТЕПАН ЩИПАЧЕВ — Зависть, стихотворение	140
ДАВИД ХАИТ — Дом с садом, рассказ	141
ИГОРЬ ШПАРРО — Дед Чучков, рассказ	153
МАНАС, киргизский народный эпос, перев. Л. Пеньковского	157
ЛЮДИ И ФАКТЫ	
ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ — Мои первые шаги в Арктике	177
ВАЛЕНТИНА ХЕТАГУРОВА — На Дальний Восток	189
ЗА РУБЕЖОМ	
С. ФОУЛЕР-РАЙТ — Англо-германская война	205
НАУКА И ТЕХНИКА	
Проф. А. В. ЧАПЛЫГИН — «Большая Волга»	229
Проф. Ю. ФРОЛОВ — Наблюдательность, внимание и память	245
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО	
А. ГУРШТЕЙН — Повесть о хлебе («Хлеб» Ал. Толстого)	257
ДМ. СЕМЕНОВСКИЙ — А. М. Горький. Письма и встречи	263
БИБЛИОГРАФИЯ	
В. ЖДАНОВ — А. Полежаев. Стихотворения	280
С. СЕВАСТЬЯНОВ — В. В. Стасов. Обзоры. Выставки. Полемика.	284
ОТ РЕДАКЦИИ	287

Тихий Дон

РОМАН

(Окончание 7-й части ¹)

МИХ. ШОЛОХОВ

★

ГЛАВА XXVIII

За всю дорогу, до самой станицы Абинской, Григорию запомнилось только одно: беспросветной темной ночью очнулся он от резкого, пронизывающего насквозь холода. По дороге в несколько рядов двигались подводы. Судя по голосам, по неумолчному, глухому говору колес, — обоз был огромный. Подвода, на которой ехал Григорий, находилась где-то в середине этого обоза. Лошади шли шагом. Прохор почмокивал губами, изредка, простуженным голосом хрипел: «Но-о-о, дружки!» — и взмахивал кнутом. Григорий слышал тонкий посвист ременного кнута, чувствовал, как, брякнув вальками, лошади сильнее влегали в постромки, повозка двигалась быстрее, иногда постукивая концом дышла в задок передней брички.

С трудом Григорий натянул на себя полу тулупа, лег на спину. По черному небу ветер гнал на юг сплошные клубящиеся тучи. Редко-редко в крохотном просвете желтой искрой вспыхивала на миг одинокая звезда, и снова непроглядная темень окутывала степь, уныло свистал в телеграфных проводах ветер, срывался и падал на землю редкий и мелкий, как бисер, дождь.

С правой стороны дороги надвинулась походная колонна конницы. Григорий услышал издавна знакомый, согласный, ритмический перезвук подо-

гнанного казачьего снаряжения, глухое и тоже согласное чмоканье по грязи множества конских копыт. Прошло не больше двух сотен, а топот все еще звучал; по обочине дороги шел, вероятно, полк. И вдруг, впереди, над притихшей степью, как птица, взлетел мужественный, грубоватый голос запевалы:

Ой, как на речке было, братцы,
на Камышинке,
На славных степях, на саратовских...

И многие сотни голосов мощно подняли старинную казачью песню, и выше всех всплеснулся изумительной силы и красоты тенор подголоска. Покрывая стихающие басы, еще трепетал где-то в темноте звенящий, хватающий за сердце тенор, а запевала уж выводил:

Там жили, проживали казаки — люди
вольные,
Все донские, гребенские, да яйцкие...

Словно что-то оборвалось внутри Григория... Внезапно нахлынувшие рыдания потрясли его тело, спазма перехватила горло. Глотая слезы, он жадно ждал, когда запевала начнет, и беззвучно шептал вслед за ним знакомые с отроческих лет слова:

Атаман у них — Ермак, сын Тимофеевич,
Есаул у них — Асташка, сын Лаврентьевич...

Как только зазвучала песня, — разом смолкли голоса разговаривавших на повозках казаков, утихли понукания, и тысячный обоз двигался в глубоком,

¹ См. «Новый мир», кн. кн. 11 и 12 за 1937 г. и 1 и 2 с. г.

тил его за поясной ремень, без труда приподнял, бережно положил на пол.

— Возьми у него бутылку! Выльется! — испуганно воскликнул Ермаков и с широкой пьяной улыбкой, обращаясь к Григорию, сказал: — Знаешь, с чего мы гуляем? Тут-таки от недовольствия, а тут припало казачкам на чужбюк поджиться... Винный склад разграбили, чтобы красным не достался... Что там было-о-о... И во сне такое не приснится! В цистерну начали бить из винтовка: пробьют — а из нее цевкой спирт льется. Всю изрешетили, и каждыйazole пробионы стоит, подставляет, кто шапку, кто ведро, кто фляжку, а иные прямо пригоршни держут, и тут же пьют... Двоих добровольцев зарубили, какие охраняли склад, ну, дорвались, и пошла потеха! Один казачишка при мне полез на цистерну, хотел конскую дыбарку зачерпнуть прямо из вольного, сорвался туда и утоп. Пол цементовый, враз натекло спирту по колено, бродют по нем, нагибаются, пьют, как кони в речке, прямо из-под ног и тут же ложатся... И смех и грех! Там не один захленется до смерти. Вот и мы там поджились. Нам много не надо: прикатали боченок ведер на пять, ну, нам и хватит. Гуляй, душа! Все одно пропадает тихий Дон! Платона там за малым не утопили. Повалили на пол, начали ногами толочь, он хлебнул раза два и готов. Уж я его насилу вытянул оттедова...

Ото всех от них резко разило спиртом, луком, табаком. Григорий почувствовал легкий приступ тошноты, головокружение, — улыбаясь слабо, вымученной улыбкой, закрыл глаза.

Неделю он пролежал в Екатеринодаре, на квартире у знакомого Богатыреву врача, медленно поправляясь после болезни, потом, как говорил Прохор, — «пошел на поправку», и в станице Абинской в первый раз за время отступления сел на коня.

В Новороссийске шла эвакуация. Пароходы увозили в Турцию российских толдосумов, помещиков, семьи генералов и влиятельных политических деятелей. На пристанях день и ночь шла погрузка. Юнкера работали в артелях

грузчиков, заваливая трюмы пароходов военным имуществом, чемоданами и ящиками сиятельных беженцев.

Части Добровольческой армии, опередив в бегстве донцов и кубанцев, первыми докатились до Новороссийска, начали грузиться на транспортные суда. Штаб Добровольческой армии предусмотрительно перебрался на прибывший в порт английский дредноут «Император Индии». Бои шли около Тоннельной. Десятки тысяч беженцев заполняли улицы города. Воинские части продолжали прибывать. Около пристаней шла неопишная давка. Брошенные лошади тысячными табунами бродили по известняковым склонам гор, окружающих Новороссийск. На прилегающих к пристаням улицах завалами лежали казачьи седла, снаряжение, воинское имущество. Все это было уже никому не нужно. По городу ходили слухи о том, что на суда будет погружена только Добровольческая армия, а донцы и кубанцы походным порядком пойдут в Грузию.

Утром 25 марта Григорий и Платон Рябчиков пошли на пристань узнать, грузятся ли части второго Донского корпуса, так как накануне, среди казаков, распространился слух, будто генерал Деникин отдал приказ: вывести в Крым всех донцов, сохранивших вооружение и лошадей.

Пристань запрудили калмыки Сальского округа. Они пригнали с Маныча и Сала косяки лошадей и верблюдов, до самого моря довели свои деревянные жилые будки. Нанюхавшись в толпе пресных запахов бараньего сала, Григорий и Рябчиков подошли к самым сходящим стоявшего у причала большого транспортного парохода. Сходни охранялись усиленным караулом офицеров Марковской дивизии. Около, ожидая погрузки, толпились донцы-артиллеристы. На корме парохода стояли орудия, накрытые брезентами защитного цвета. С трудом протискавшись вперед, Григорий спросил у молодцеватого черноусого вахмистра:

— Какая это батарея, станишник?

Вахмистр покосился на Григория, неохотно ответил:

- Тридцать шестая.
- Каргиновская?
- Так точно.
- Кто тут заведует погрузкой?
- А вот он стоит у перил, полковник какой-то.

Рябчиков тронул Григория за рукав, злобно сказал:

— Пойдем отседова, ну их к чорту! Разве у них тут толку добьешься? Когда воевали — нужны были, а зараз мы им ни к чему...

Вахмистр улыбнулся, подмигнул выстроившимся в очередь батареям:

— Усчастливились вы, артиллеристы! Господ-офицеров и то не берут.

Полковник, наблюдавший за погрузкой, проворно шел по сходням; следом за ним, спотыкаясь, спешил лысый чиновник в распахнутой дорогой шубе. Он умоляюще прижимал к груди котиковую шапку, что-то говорил, и на потном лице его и в близоруких глазах было такое просительное выражение, что полковник, ожесточаясь, отворачивался от него, грубо кричал:

— Я вам уже сказал раз! Не приставайте, иначе я прикажу свести вас на берег! Вы с ума сошли! Куда к чорту мы возьмем ваше барахло? Вы, что, ослепли? Не видите, что творится? А, да ну вас совсем! Да-жалуйте, ради бога, хоть самому генералу Деникину! Сказал, не могу, — и не могу, вы русский язык понимаете?!

Когда он, отмахиваясь от назойливого чиновника, проходил мимо Григория, тот преградил ему путь и, приложив руку к козырьку фуражки, волнуясь, спросил:

— Офицеры могут рассчитывать на погрузку?

— На этот пароход — нет. Нет места.

— Тогда на какой же?

— Узнайте в эвакупункте.

— Мы там были, никто ничего не знает.

— Я тоже не знаю, пропустите меня!

— Но вы же грузите тридцать шестую батарею! Почему нам нет места?

— Про-пу-стите, я вам говорю! Я — не справочное бюро! — Полковник по-

пробовал легонько отстранить Григория, но тот стоял на ногах твердо. В глазах его вспыхивали и гасли голубоватые искорки.

— Теперь мы вам не нужны стали? А раньше были нужны? Примите руку, меня вы не спихнете!

Полковник посмотрел в глаза Григория, оглянулся: стоявшие на сходнях марковцы, скрестив винтовки, с трудом сдерживали напиравшую толпу. Глядя мимо Григория, полковник устало спросил:

— Вы какой части?

— Я — девятнадцатого донского, остальные разных полков.

— Сколько вас всего?

— Человек десять.

— Не могу. Нет места.

Рябчиков видел, как у Григория дрогнули ноздри, когда он вполголоса сказал:

— Что же ты мудруешь, гад?! Вша тыловая! Сейчас же пропускай нас, а то...

«Зараз Гриша его резнет!» — со злобным удовольствием подумал Рябчиков, но, увидев, как двое марковцев, прикладами очищая дорогу сквозь толпу, спешат на выручку полковнику, предупредительно тронул Григория за рукав:

— Не связывайся с ним, Пантелевич! Пойдем...

— Вы — идиот! И вы ответите за ваше поведение! — сказал побледневший полковник и, обращаясь к подошедшим марковцам, указал на Григория:

— Господа! Уймите вот этого эпилептика! Надо же навести здесь порядок! У меня срочное дело к коменданту, а тут извольте выслушивать всякие любезности от всяких... — и торопливо скользнул мимо Григория.

Высокий марковец с погонями поручика на синей бекеше, с аккуратно подбритыми английскими усиками, подошел к Григорию вплотную.

— Что вам угодно? Почему вы нарушаете порядок?

— Место на пароходе, вот что мне угодно!

— Где ваша часть?

— Не знаю.

— Ваш документ.

Второй из караула, молодой пухлобый юноша в пенсне, ломающимся баском сказал:

— Его надо отвести в караульное помещение. Не тратьте времени, Высоцкий!

Поручик внимательно прочитал свидетельство Григория, вернул его.

— Разыщите вашу часть. Советую отсюда уйти и не мешать погрузке. У нас есть приказ: арестовывать всех, независимо от их звания, проявляющих недисциплинированность, мешающих погрузке. — Поручик твердо сжал губы, подождал несколько секунд и, косясь на Рябчикова, наклонился к Григорию, шепнул: — Могу вам посоветовать: поговорите с командиром тридцать шестой батареи, станьте в их очередь, и вы сядете на пароход.

Рябчиков, слышавший шепот поручика, обрадованно сказал:

— Иди к Каргину, а я живо смогаюсь за ребятами. Из твоего имущества, кроме вещевого мешка, что брать?

— Пойдем вместе, — равнодушно сказал Григорий.

По пути они встретили знакомого казачка — уроженца хутора Семеновского. На огромной фурманке он вез к пристани ворох накрытого брезентом печеного хлеба. Рябчиков окликнул станичника.

— Федор, здорово! Куда везешь?

— А-а-а, Платон, Григорий Пантелевич, здравствуйте! На дорогу свой полк хлебом снабжаем. Насилу выпекли, а то пришлось бы в пути одну кутю жрать...

Григорий подошел к остановившейся фурманке, спросил:

— Хлеб у тебя важный на весах? Или считанный?

— Какой его чорт считал? А вам что, хлеба надо?

— Надо.

— Бери!

— Сколько можно?

— Сколько унесешь, его на нас хватит!

Рябчиков с удивлением смотрел, как Григорий снимает буханку за буханкой, — не утерпев, спросил:

— На чуму ты его столько берешь?

— Надо, — коротко ответил Григорий.

Он выпросил у возчика два мешка, сложил в них хлеб, поблагодарил за услугу и, распрощавшись, приказал Рябчикову:

— Бери, понесем.

— Ты не зимовать тут собрался? — насмешливо спросил Рябчиков, взвалив мешок на плечи.

— Это не мне.

— Тогда кому же?

— Коню.

Рябчиков проворно сбросил мешок на землю, растерянно спросил:

— Шутить?

— Нет, всерьез.

— Значит, ты... ты чего же это надумал, Пантелевич? Хочешь остаться, так я понимаю?

— Правильно понимаешь. Ну, бери мешок, пойдем. Надо же коня кормить, а то он все ясли погрыз. Конь ишо сгодится, не пешему же служить...

До самой квартиры Рябчиков молчал, побряхтывал, подкидывая на плечах мешок; подойдя к калитке, спросил:

— Ребятам скажешь? — и, не дождавшись ответа, с легким оттенком обиды в голосе, сказал: — Это ты здорово удумал... А мы как же?

— А как хотите, — с деланным равнодушием ответил Григорий. — Не берут нас, не находится для всех места, — и не надо! На кой они ляд нам нужны, навязываться им! Останемся. Спробуем счастья. Да проходи же, чего ты застрял в калитке?

— Тут, с этим разговором, застрянешь... Я ее и калитки-то не вижу. Ну, и дела! Ты меня, Гриша, как обухом в темя вдарил. Прямо ум мне отшиб. А я-то думаю: «На чорта он этот хлеб выпрашивает?». Теперь ребята наши узнают, взволнуются...

— Ну, а ты как? Не останешься? — полюбопытствовал Григорий.

— Что ты! — испуганно воскликнул Рябчиков.

— Подумай.

— И думать нечего! Поеду без разговоров, пока вакан есть. Пристроюсь к Каргиновской батарее и поеду.

— Зря.

— Вот это — да! Мне, брат, своя голова дороже. Что-то нет охоты, чтобы красные на ней свои палаши пробовали.

— Ох, подумай, Платон! Дело такое...

— И не говори! Поеду зараз же.

— Ну, как хочешь. Не уговариваю, — с досадой сказал Григорий и первый шагнул на каменные ступеньки крыльца.

Ни Ермакова, ни Прохора, ни Богатырева на квартире не было. Хозяйка — пожилая, горбатая армянка — сказала, что казаки ушли и обещали скоро вернуться. Григорий, не раздеваясь, крупными ломтями порезал буханку хлеба, пошел в сарай к лошадям. Хлеб разделил поровну, всыпал своему коню и прохорову — и только что взял ведро и хотел итти, чтобы принести воды, как в дверях стал Рябчиков. В палах шинели он бережно держал наломанный крупными кусками хлеб. Конь Рябчикова, зачуйв хозяина, коротко заржал, а хозяин его молча прошел мимо сдержанно улыбавшегося Григория, сыпал куски в ясли, не глядя на Григория, сказал:

— Не раскаляйся, пожалуйста! Раз так дело указывает — приходится и мне коня кормить... Ты думаешь, я-то с охотой бы поехал? Сам себя за шиворот взял бы и повел на этот растреклятый пароход, не иначе! Ить живой страх подгонял... голова-то одна на плечах? Не дай бог эту срубят — другая до Покрова не вырастет...

Прохор и остальные казаки вернулись только перед вечером. Ермаков принес огромную бутыл спирта, а Прохор — мешок герметически закупоренных банок с мутновато-желтой жидкостью.

— Вот подработали! На всю ночь хватит, — похваляясь, Ермаков указал на бутыл, пояснил: — Попался нам военный доктор, упросил помочь ему вывезти на пристань со склада медикаменты. Грузчики отказались работать, одни юнкерья со склада таскали, ну и мы к ним припряглись. Спиртом доктор рас-

платился за нашу помощь, а банки эти Прохор наворовал, накажи господь, не брешу!

— А что в них такое? — полюбопытствовал Рябчиков.

— Это, братушка, почище спирту! — Прохор поболтал банку, посмотрел на свет, как под темным стеклом пузырится густая жидкость, самодовольно закончил: — Это — самое что ни на есть дорогое заграничное вино. Одним больным его дают, так мне сказал юнкоришка, какой английский язык понимает. Сядем на пароход, выпьем с горя, заведем «Разродимую мою сторонущу» и до самого Крыму будем пить, а банки в море кидать.

— Иди скорей, садись, а то через тебя пароход задерживают, не отправляют. «Где, говорят, Прохор Зыков — герой из героев, без него не можем плыть!» — насмешливо сказал Рябчиков и, помолчав, указал желтым, обкуранным пальцем на Григория. — Вот он раздумал ехать. И я тоже.

— Да ну? — ахнул Прохор, от изумления чуть не выронив банку из рук.

— Что такое? Что вы тут надумали? — хмурясь, пристально глядя на Григория, спросил Ермаков.

— Решили не ехать.

— Почему?

— Потому, что местов для нас нету.

— Нынче нету — завтра будут, — уверенно заявил Богатырев.

— А ты на пристанях был?

— Ну, дальше?

— Видал, что там делается?

— Ну, видал.

— Занукал! Коль видал, чего же и толковать. Нас с Рябчиковым только двоих брали, и то один доброволец сказал, чтобы пристраивались к Каргиновской батарее, иначе нельзя.

— Она ишо не погрузилась, эта батарея? — с живостью спросил Богатырев. Узнав, что батарейцы стояли в очереди, ожидая погрузки, он тотчас же стал собираться: сложил в вещевой мешок белье, запасные шаровары, гимнастерку, положил хлеба и попрощался.

— Оставайся, Петро! — посоветовал Ермаков. — Не к чему нам разбиваться.

Богатырев, не отвечая, протянул ему потную руку, с порога еще раз поклонился, сказал: — Бывайте здоровы! Приведет бог — ишо свидимся! — и выбежал.

После его ухода в комнате долго стояла нехорошая тишина. Ермаков сходил на кухню к хозяйке, принес четыре стакана, молча разлил в них спирт, поставил на стол большой медный чайник с холодной водой, нарезал сала и, все так же молча, присел к столу, облокотился на него, несколько минут тупо смотрел себе под ноги, потом прямо из горлышка чайника выпил воды, хриповато сказал:

— На Кубани везде вода керосином воняет, с чего бы это?

Ему никто не ответил. Рябчиков частой ветошкой протирал запотевшие долы шашки, Григорий рылся в своем сундучке, Прохор рассеянно смотрел в окно, на голые склоны гор, усеянные конскими табунами.

— Садитесь к столу, выпьем. — Ермаков, не дожидаясь, опрокинул в рот полстакана, запил водой и, разжевывая кусок розового сала, повеселевшими глазами глядя на Григория, спросил:

— Не наведут нам решку красные товарищи?

— Всех не перебьют. Народу останется тут большие тыщи, — ответил Григорий.

— Я обо всех и не печалуюсь, — рассмеялся Ермаков. — У меня об своей овчине забота...

После того как изрядно выпили, разговор пошел веселее. А немного погодя неожиданно явился посиневший от холода, нахмуренный, угрюмый Богатырев. Он у порога сбросил целый тюк новеньких английских шинелей, молча начал раздеваться.

— С прибытием вас! — кланяясь, язвительно поздравил Прохор.

Богатырев метнул в его сторону озлобленный взгляд, со вздохом сказал:

— Просить будут, все эти Деникины и другие б..., и то не поеду! Стоял в очереди, иззяб, как кобель на морозе, а все без толку. Отрезало как раз по

мне. Двое впереди меня стояли, одного пропустили, а другого нет. Половина батареи осталась, ну что это такое, а?

— Вот так вашего брата умывают! — захохотал Ермаков и, расплескивая из бутылки, налил Богатыреву полный стакан спирта. — На, запей свое горькое горе! Или ты будешь ждать, когда тебя просить придут? Глянь в окно, это не генерал Врангель за тобой идет?

Богатырев молча цедил спирт. Он вовсе не расположен был к шуткам. А Ермаков и Рябчиков — сами вполпьяна — напоили до отказа старуху-хозяйку и уже поговаривали о том, чтобы пойти разыскать где-нибудь гармониста.

— Идите лучше на станцию, — посоветовал Богатырев, — там вагоны расчиняют. Весь состав с обмундированием.

— На чорта оно нужно, твое обмундирование! — кричал Ермаков. — Нам этих шинелей хватит, какие ты приволок! А лишнее, все одно, заберут. Петро! Клеп собачий! Мы тут решаемся в красные иттить, понял? Ить мы казаки — или кто? Ежли оставят в живых нас красные — пойдём к ним служить! Мы — донские казаки! Чистых кровей, без подмеси! Наше дело — рубить. Знаешь, как я рублю? С кочерыжкой! Становись, на тебе попробую! То-то, ослабел? Нам все равно кого рубить, лишь бы рубить, так я говорю, Мелехов?

— Отвяжись! — устало отмахивался Григорий.

Кося налитыми кровью глазами, Ермаков пытался достать свою лежавшую на сундуке шашку. Богатырев беззлобно отталкивал его, просил:

— Ты не буровь дюже, Аника-воин, а то я тебя враз усмирю. Пей степенно, ты же в офицерском чине.

— Я на этот чин кладу с прибором! Он мне зараз нужен, как колодка свинье. Не вспоминай! Сам такой. Дай я тебе погоны отрежу? Петя, жаль моя, погоди, погоди, я их зараз...

— Ишо не время, с этим успеется, — посмеивался Богатырев, отстраняя расходившегося друга.

Пили до зари. Еще с вечера откуда-то появились незнакомые казаки, один

из них с двухрядкой. Ермаков танцевал «казачка» до тех пор, пока не свалился. Его отташили к сундуку, и он тотчас же уснул на голом полу, широко разбросав ноги, неловко запрокинув голову. До утра продолжалась невеселая гулянка. «Я из Кумшатской!.. Из самой станицы! У нас были быки — рог не достанешь! Кони были — как львы! А сейчас что осталось в хозяйстве? Одна облезлая сучка! Да и она скоро сдохнет, кормить нечем...» — пьяно рыдая, говорил пожилой казак — один из случайных знакомых, пришедших на гульбище. Какой-то кубанец в изорванной черкеске заказывал гармонисту «наурскую» и, картинно раскинув руки, с такой поразительной легкостью скользил по комнате, что Григорию казалось, будто подошвы горских сапогов кубанца вовсе и не прикасаются к грязному, зашарпанному полу.

В полночь кто-то из казаков нивесть откуда притащил два высоких глиняных, узкогорлых кувшина; на боках их темнели полусгнившие этикетки, пробки были опечатаны сургучом, из-под вишнево-красных сургучных печатей свешивались массивные свинцовые пломбы. Прохор долго держал в руках ведерный кувшин, мучительно шевелил губами, стараясь разобрать иностранную надпись на этикетке. Недавно проснувшийся Ермаков взял у него из рук кувшин, поставил на пол, обнажил шашку. Прохор не успел ахнуть, как Ермаков косо замахнувшись, срезал шашкой горло кувшина на четверть, громко крикнул: «Подставляй посуду!».

Густое, диковинно ароматное и терпкое вино распил в несколько минут, и после долго Рябчиков в восхищении цокал языком, бормотал: «Это не вино, а святое причастие! Такое только перед смертью пить, да и то не всем, а таким, какие за всю жизнь в карты не играли, табак не нюхали, баб не трогали... Архирейский напиток, одним словом!». Тут Прохор вспомнил, что у него в мешке лежат банки с лечебным вином.

— Погоди, Платон, не хвали дюже! У меня винцо получше этого будет! Это — дерьмо, а вот я достал на скла-

де, так это винцо! Ладан с медом, а может, даже лучше! Это тебе, браток, не архирейское, а — прямо сказать — царское! Раньше цари пили, а зараз нам довелось... — бахвалился он, открывая одну из банок.

Жадный на выпивку Рябчиков глотнул сразу полстакана мутножелтой густой жидкости, мгновенно побледнел и вытаращил глаза.

— Это не вино, а карболка! — прохрипел он и, в ярости выплеснув остатки из стакана Прохору на рубаху, пошел, покачиваясь, в коридор.

— Брешет он, гад! Вино — английское! Первый сорт! Не верьте ему, братцы! — стараясь перекрычать гул пьяных голосов, заорал Прохор. Он выпил стакан залпом и тотчас стал блее Рябчикова.

— Ну, как? — допытывался Ермаков, раздувая ноздри, заглядывая Прохору в посоловешные глаза. — Как царское вино? Крепкое? Сладкое? Говори же, чертяка, а то я эту банку об твою голову разобью!

Прохор покачивал головой, страдал молча, а потом икнул, проворно вскочил и выбежал вслед за Рябчиковым. Ермаков, давась от смеха, заговорщически подмигнул Григорию, пошел во двор. Спустя минуту он вернулся в комнату. Раскатистый хохот его перекрыл все голоса.

— Ты чего это? — устало спросил Григорий. — Чего ржешь, глупой? Железку нашел?

— Ох, парень, пойдн глянь, как они наизнанку выворачиваются! Ты знаешь, что они пили?

— Ну?

— Английскую мазь от вшей!

— Брешешь!

— Истинный бог! Я сам, как на складе был, думал сначала, что это вино, а потом спросил у доктора: «Что это такое, господин доктор?». — «Лекарство» — говорит. Я спрашиваю: «Оно, случаем, не от всех скорбей? Не на спирту?». — «Боже упаси, — говорит, — это союзники от вшей нам при- слали смазку. Это — наружное лекарство, за воротник его никак нельзя употреблять!».

— Чего же ты, лиходей, не сказал им? — с досадой упрекнул Григорий.

— Нехай черти очищаются перед сдачей, небось не сдохнут! — Ермаков вытер проступившие от смеха слезы, не без злорадства добавил: — Да и пить будут полегше, а то за ними не успеешь и рюмки со стола взять. Жадных так надо обучать! Ну, что же, мы-то с тобой выпьем или повременим? Давай за нашу погибель выпьем?

Перед рассветом Григорий вышел на крыльцо, дрожащими руками свернул папироску, закурил, долго стоял, прислонившись спиной к влажной от тумана стене.

В доме не умолкая звучали пьяные вскрики, захлебывающиеся переборы гармошки, разудалый свист; сухую дробь безустально выбивали каблуки завзятых плясунов... А из бухты ветер нес густой, низкий рев парходных сирен; на пристанях людские голоса сливались в сплошной гул, прорезываемый громкими возгласами команды, ржанием лошадей, гудками паровозов. Где-то в направлении станции Тоннельной шел бой. Глухо погромыхивали орудия, в интервалах между выстрелами чуть слышался жаркий треск пулеметов. За Мархотским перевалом высоко взметнулась брызжащая светом ракета. На несколько секунд стали видны озаренные зеленым призрачным сиянием горбатые вершины гор, а потом снова вязкая темень мартовской ночи покрыла горы, и еще отчетливее и чаще, почти сливаясь, загремели артиллерийские залпы.

ГЛАВА XXIX

Соленый, густой, холодный ветер дул с моря. Запах неведомых, чужих земель нес он к берегу. Но для донцов не только ветер, — все было чужое, неродное, в этом скучном, пронизанном сквозняками, приморском городе. Стояли они на молу сплошной сгрудившейся массой, ждали погрузки... У берегов вскипали зеленые пенистые волны. Сквозь тучу глядело на землю негреющее солнце. На рейде дымили английские и французские миноносцы; серой грозной машиной высился над водой

дредноут. Над ним стлалось черное облако дыма. Зловещая тишина стояла на пристанях. Там, где недавно покачивался у причала последний транспорт, — плавали в воде офицерские седла, чемоданы, одеяла, шубы, обитые красным плюшем стулья, еще какая-то рухлядь, сброшенная второпях со сходен...

Григорий с утра приехал на пристань; поручив коня Прохору, долго ходил в толпе, высматривал знакомых, прислушивался к отрывистым тревожным разговорам. На его глазах у сходен «Святослава» застрелился пожилой оставленной полковник, которому отказали в месте на пароходе.

За несколько минут до этого, маленький, суетливый полковник с седой щетиной на щеках, с заплаканными, пухлыми, сумчатыми глазами, хватал начальника караула за ремни портупеи, что-то жалко шепелявил, сморкался и вытирал нечистым платком прокуренные усы, глаза и дрожащие губы, а потом вдруг как-то сразу решился... И тотчас же какой-то проворный казак вынул из теплой руки мертвого блещущий никелем браунинг, труп в светлосерой офицерской шинели ногами, как бревно, откатили к штабелю ящиков, и возле сходен еще гуще закипел народ, еще яростнее вспыхнула драка в очереди, еще ожесточеннее залаяли хриплые, озлобленные голоса беженцев.

Когда последний пароход, покачиваясь, начал отходить от причала, в толпе слышались женские рыдания, истерические вскрики, ругань... Не успел еще утихнуть короткий басовитый рев парходной сирены, как молодой калмык в лисьем треухе прыгнул в воду, поплыл вслед за пароходом.

— Не вытерпел! — вздохнул кто-то из казаков.

— Значит, ему никак нельзя было оставаться, — проговорил стоявший возле Григория казак. — Значит, он красным дюже нашкодил...

Григорий, стиснув зубы, смотрел на плывущего калмыка. Все реже взмахивали руки пловца, все ниже оседали плечи. Намокший чекмень тянул книзу. Волною смыло с головы калмыка, отбросило назад рыжий лисий треух.

— Утопнет проклятый нехристь! — сожалеюще сказал какой-то старик в бешмете.

Григорий круто повернулся, пошел к коню. Прохор оживленно разговаривал с подскакавшими к нему Рябчиковым и Богатыревым. Завидев Григория, Рябчиков заерзал в седле, в нетерпении тронул коня каблуками, крикнул:

— Да поспешай же ты, Пантелевич! — И, не дождавшись, когда Григорий подойдет, еще издали закричал: — Пока не поздно, давай уходить. Тут собралось нас с полсотни казаков, думаем правиться на Геленджик, а оттудова в Грузию. Ты как?

Григорий подходил, глубоко засунув руки в карманы шинели, молча расталкивая плечами бесцельно толпившихся на пристани казаков.

— Поедешь, или нет? — настойчиво спрашивал Рябчиков, под'ехав вплотную.

— Нет, не поеду.

— С нами пристроился один войсковой старшина. Он дорогу тут насквозь знает, говорит: «зажмурки до самого Тифлису доведу!». Поедем, Гриша! А оттуда к туркам, а? Надо же как-то спастись! Край подходит, а ты какой-то, как рыба, снулый...

— Нет, не поеду, — Григорий взял из рук Прохора поводья, тяжело, по-стариковски сел в седло. — Не поеду. Не к чему. Да и поздновато трошки... Гляди!

Рябчиков оглянулся, в отчаянии и ярости скомкал, оторвал темляк на шашке: с гор текли цепи красноармейцев. Около цементных заводов лихорадочно застучали пулеметы. С бронепоездов ударили по цепям из орудий.

Возле мельницы Асланди разорвался первый снаряд.

— Поехали на квартиру, ребятки, держи за мной, — приказал повеселевший и как-то весь подобранный Григорий.

Но Рябчиков схватил григорьева коня за повод, испуганно воскликнул:

— Не надо! Давай тут останемся... На миру, знаешь, и смерть красна...

— Э, чорт, трогай! Какая там смерть? Чего ты мелешь? — Григорий в досаде хотел еще что-то сказать, но голос его заглушил громовый гул, донесшийся с моря. Английский дредноут «Император Индии», покидая берега союзной России, развернулся и послал из своих двенадцатидюймовых орудий пачку снарядов. Прикрывая выходящие из бухты пароходы, он обстреливал катившиеся к окраинам города цепи красно-зеленых, переносил огонь на гребень перевала, где показались красные батареи. С тяжким клекотом и воем летели через головы сбившихся на пристани казаков английские снаряды.

Туго натягивая поводья, удерживая приседающего коня, Богатырев сквозь гул стрельбы кричал:

— Ну, и резко же гавкают английские пушки! А зря они стервенят красных! Пользы от ихней стрельбы никакой, одного шуму много...

— Нехай стервенят! Нам зараз все равно, — улыбаясь, Григорий тронул коня, поехал по улице.

Навстречу ему из-за угла, пластая в бешеном намете, вылетели шесть конных с обнаженными клинками. У переднего всадника на груди кровянул, как рана, кумачный бант.

ОТ РЕДАКЦИИ

★

В редакцию поступило письмо группы артистов, бывших участников театра В. Ф. Комиссаржевской, на имя Ан. Волкова по поводу его статьи «Александр Блок», напечатанной в «Новом мире» (№ 10, 1936 г.). Авторы письма (народный артист Ю. Юрьев, Б. Горин-Горайнов, нар. арт. орденоносец В. Мичурина-Самойлова, нар. артистка СССР Е. Корчагина-Александровская, артист Гос. Ленинградск. Академ. Театра Драмы им. Пушкина Анатолий Нелидов, нар. артист Республики А. Любош, артист Драматического театра им. В. Ф. Комиссаржевской А. Ставрогин) указывают на ошибочность одной фразы в статье Ан. Волкова, утверждающей, что вторжение в поэзию Блока кабацкой, пьяной стихии «хронологически совпадает с его вхождением в богемскую среду театра Комиссаржевской».

Редакция «Нового мира» полностью согласна с авторами письма, заявляющими, что такая формулировка искажает факты, что в действительности связь А. Блока с театром В. Ф. Комиссаржевской была творчески плодотворной для обеих сторон. «Она расширила кругозор поэта, — говорится в письме, — живым знанием законов театра, она дала волнующие статьи и высказывания А. А. Блока, наконец, постановкой «Балаганчика» она принесла одну из самых блестящих побед «Драматическому театру» на путях нового театра». Формулировка Ан. Волкова неправильно ориентирует читателя.

Ан. Волков в ответном письме в редакцию признает допущенную им ошибку, «дающую основание неправильно рассматривать роль театра Комиссаржевской, являвшегося наиболее идейным и прогрессивным театром дореволюционной России».

★

Редколлегия: Ф. В. Гладков.
Л. М. Леонов.
А. Г. Малышкин.
В. П. Ставский.

Ответственный редактор В. П. Ставский.

Редакция: Москва, 6, Пушкинская площадь, 5.
Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР».